

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ *NATIONAL RELATIONS*

Национальный сценарий в современной России и частная жизнь россиян (динамика и особенности межэтнической брачности в постсоветский период)

*С.В. ЛУРЬЕ**

***ЛУРЬЕ Светлана Владимировна** – доктор культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН. Адрес: 198005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. E-mail: svlourie@gmail.com

В статье предлагается новый подход к изучению межэтнических отношений. По мнению автора, использование дихотомии “конфликтность – толерантность” для этой цели устарело. Межэтнические отношения имеют свою качественную структуру, связанную с этнопсихологическими и этнокультурными особенностями народов. Одним из показателей качества межэтнических отношений может служить динамика межэтнической брачности, ведь просто добрые отношения между народами не обязательно ведут к росту доли браков между их представителями. Автор попытается реконструировать основы социокультурного сценария межэтнических отношений в обществе на основе анализа динамики межэтнической брачности и восприятия ее общественным сознанием.

Ключевые слова: межэтнические браки, этнокультурология, социальная динамика, межэтнический конфликт, межэтническая стабильность, социокультурный сценарий, картина мира, этнопсихологические особенности.

DOI: 10.31857/S086904990007565-3

Цитирование: Лурье С.В. (2019) Национальный сценарий в современной России и частная жизнь россиян (динамика и особенности межэтнической брачности в постсоветский период) // Общественные науки и современность. № 6. С. 127–140. DOI: 10.31857/S086904990007565-3

Работа выполнена по государственному заданию по теме “Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучия детей: публичное и приватное измерения” (государственная регистрация № АААА-А17-117030110147-4).

The National Script and Private Life in Contemporary Russia (Dynamics and Features of Interethnic Marriage at the Post-Soviet Period)

Svetlana V. LOURIE*

*Svetlana V. Lourie – Doctor of Culturology, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of the Sciences. Address: 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 198005. E-mail: svlourie@gmail.com

Abstract. The article proposes a new approach to the study of inter-ethnic relations. According to the author, the use of the “conflict – tolerance” dichotomy for this purpose is outdated. Interethnic relations have their own qualitative structure associated with the ethnopsychological and ethnocultural characteristics of peoples. One of the indicators of the quality of inter-ethnic relations can serve as the dynamics of inter-ethnic marriage, because just good relations between nations do not necessarily lead to an increase in the proportion of marriages between their representatives. Below I will try to reconstruct the foundations of the sociocultural scenario of inter-ethnic relations in society based on an analysis of the dynamics of inter-ethnic marriages and their perception by the public consciousness.

Keywords: inter-ethnic marriages, ethnocultural studies, social dynamics, inter-ethnic conflict, inter-ethnic stability, socio-cultural scenario, picture of the world, ethno-psychological characteristics.

DOI: 10.31857/S086904990007565-3

Citation: Lourie S. (2019) The National Script and Private Life in Contemporary Russia (Dynamics and Features of Interethnic Marriage at the Post-Soviet Period). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 127–140. DOI: 10.31857/S086904990007565-3 (In Russ.)

При рассмотрении различных факторов во внутриэтнических и межэтнических процессах важно изучение этнопсихологических и этнокультурных факторов, то есть ценностных конфигураций народов, живущих в полиэтническом социуме, их совместимости, наличия надэтнической идеологии. Речь пойдет также о значимости национально-смешанных браков в данном полиэтническом обществе: поощряются ли они (как это было в СССР [Лурье 2018, с. 108–121]), оцениваются ли нейтрально или общество не отторгает их, когда, к примеру, доминирующий (титulyный) народ заботится о своей чистоте. Иными словами, как ведут себя люди, не обосновывая свое поведение, а только потому, что так действовать им удобно.

В каждой культуре есть свои принятые модели поведения. Они отражают на бессознательном уровне представления о том, как человек должен действовать в мире, и являются производными от картины мира носителя определенной культуры. На уровне этнопсихологии возможность значимого числа межэтнических браков в полиэтническом обществе обуславливается совместимостью моделей действия его разноплеменных членов, что обеспечивает их поведенческую комплементарность, возможность уживаться вместе.

Значительная доля межэтнических браков в обществе, как правило, – симптом происходящих в нем ассимиляционных процессов. Но здесь нет механической корреляции. Ассимиляция – процесс неоднозначный и непростой, возможны различные его типы. Во всех случаях ассимиляция по разным параметрам происходит в разноскоростном режиме и может быть даже разнонаправленной. Структура ассимиляционных процессов бывает в корне разная. Например, одни параметры ассимиляционных процессов относятся к этнокультурным, другие – к этнопсихологическим составляющим. В отличие от этнопсихологических, этнокультурные факторы обусловлены восприятием осознаваемых культурных доминант.

Впрочем, стабилизация межэтнических отношений не порождает положительной динамики межэтнической брачности, а добрые отношения между народами не обязательно ведут к росту доли браков между их представителями. Так, “несмотря на существующие толерантные межэтнические отношения, все-таки в общественном мнении дагестанских народов превалирует необходимость учитывать этническую принадлежность при выборе брачного партнера” [Шахбанова 2008, с. 75]. Межэтнические отношения нельзя рассматривать в рамках дихотомии “конфликтность – толерантность”. Они имеют свою качественную структуру, связанную с этнопсихологическими и этнокультурными особенностями народов, что и определяет характер динамики межэтнической брачности.

Российские студенты об ассимиляции и межэтнических браках

Начну с эксплицитного отношения к процессам ассимиляции в России, а затем – и к межэтническим бракам российских студентов. Результаты интервью, проведенных мною в течение 2017 г. среди русских студентов в нескольких городах страны – столицах автономий, областных и районных городах России¹, показали, что ассимиляцию народов России к русскому считают возможной 36% опрошенных русских студентов, а 50% — невозможной (остальные затруднились ответить). Ни один из опрошенных русских студентов не признал желательным, чтобы “все народы стали, как русские”. С тем, что “желательно, чтобы представление о морали и нравственности, принципы воспитания детей, образование, воспитание у всех народов России было, как у русских”, согласились всего 4,5% опрошенных русских. Правда, положительным явлением взаимную ассимиляцию народов России считают уже 36%. Но все-таки больше всего тех, кто уверены: каждый народ должен сохранить свои особенности, культуру, идентичность — таких 50%. Есть те, кто считают желательной ассимиляцию к глобальным наднациональным ценностям, но таких совсем немного – 4,5%, и 4% затруднились ответить на этот вопрос.

Чуть больше половины дагестанских студентов (52%) полагают, что у народов России единая этическая система, 22% подчеркивают общие для народов России представления о справедливости. Тех, кто считают естественным наличие у каждого народа своей этической системы, – 35% от общего числа опрошенных (13% затруднились ответить на этот вопрос). Но вот среди русских студентов, отвечающих, что этические системы народов России должны ориентироваться на русскую, только 38%, а тех, кто допускает, что у каждого народа она должна быть своя, особенная – 46% (но подчеркивается, что принципы справедливости должны быть у всех общие!). Об общечеловеческой этике говорят только 13% опрошенных русских (3% затруднились с ответом). Лишь 4% русских студентов считают, что система воспитания у всех народов в России должна быть единой. 52% полагают, что системы воспитания у народов России необходимо согласовать с системой воспитания у русских, но предполагают в них большие вариации. Самое широкое разнообразие в воспитательных принципах допускают 44% опрошенных русских.

Судя по этим ответам, ассимиляционная парадигма в национальном сценарии современных русских не выражена. Вообще, если прислушиваться к мнению молодежи, то межэтнические отношения в России выглядят номиналистскими, лишенными общей

¹ Интервью были проведены в Казани, Махачкале, Уфе, Красноярске, Мичуринске (Тамбовской обл.) и Лысьве (Пермского края) (выборка 97 человек), а также в Махачкале среди студентов коренных национальностей Дагестана (выборка 43 человека). Из дагестанцев, кстати, 60% назвали себя соблюдающими обряды мусульманами, 20% – мусульманами “в душе” и еще 20% не ответили на вопрос о религиозной принадлежности. Русские студенты определили свою религиозную принадлежность так: 2% назвали себя атеистами, 40% – неверующими, 9% – сомневающимися, 26% – ориентирующимися на православие, 19% – православными, 2% – мусульманами, 2% – приверженцами других религий. За большую помощь в проведении интервью благодарю С. Подъяпольского.

идеи. Только 52% русских видят в системе межнациональных отношений идеальные функции, а 37% – только организационные. Но вот среди дагестанцев признают идеальные функции русских уже 68%, а роль русских как чисто организационную воспринимают только 20%. Ни один из опрошенных дагестанцев не расценивает роль русских в межнациональных отношениях как негативную, причем 61% студентов-дагестанцев ответили, что желают возрождения Российской империи (однозначно не желают этого всего 12%).

Различается мнение у русских и дагестанских студентов по вопросу единых этических принципов. Выше уже приводились ответы дагестанских студентов на тему общности этических норм у всех российских народов. Наряду с этим 35% от общего числа опрошенных полагают естественным наличие у каждого народа своей этической системы. Никто не стал утверждать, что с русскими принципиально не может быть единой этической системы (13% затруднились ответить на вопрос). То есть у дагестанцев, как ни странно, установки в большей степени допускают ассимиляцию народов России. Хотя не исключено, что для русских негативное отношение к ассимиляции и всему, что ее характеризует, – привитый в последние десятилетия идеологический штамп.

В этом отношении интересен “индивидуоцентрический” подход русской молодежи к понятию “российский народ”. Выдумкой, идеологическим штампом его назвали только 8% опрошенных русских студентов. Термином для обозначения механической совокупности народов, населяющих Россию, – еще 14%. А вот нарождающейся и даже уже существующей общностью народов России – 26%. Но более всего – практически половина – русских студентов (49%) назвали “российский народ” общностью всех людей, населяющих Россию: подход с точки зрения не народов, а индивидов. Лишь 3% усматривают выражение “российский народ” как эвфемизм для названия русского народа.

При таком “индивидуоцентризме” восприятия межэтнических отношений в России не удивительно, что 37% опрошенных считают: “российский народ” будет оставаться аморфным образованием, поскольку у него нет единых ценностей и целей, 18% – что он превратится в политическую нацию, а 5% полагают, что со временем он и вовсе рассыплется на отдельные народы, имеющие между собой мало общего. Тех же, кто полагают, что углубляющееся единство российского народа основано на общих ценностях и целях – 32%, еще 8% верят в ассимиляцию и считают, что разнонациональные россияне будут все более сливаться с русским народом.

В отличие от русских студентов, у дагестанских подход, скорее, “народоцентричный”. Из опрошенных студентов-дагестанцев 78% полагают, что “российский народ” будет все более сплоченным, только 10% считают, что “российский народ” останется аморфной общностью или вовсе рассыплется на отдельные нации (12% затруднились ответить).

Но в идеале у русских и дагестанцев мы видим ясные и структурированные отношения между народами – такие, например, как реализация идеологемы “дружба народов”. 84% опрошенных русских и 88% опрошенных дагестанцев верят, что дружба народов в СССР была реальной; 77% опрошенных русских и 81% опрошенных дагестанцев хотят, чтобы дружба народов возродилась; 41% русских и 51% дагестанцев уверены, что народы России дружат и сейчас. Еще 26% русских и 8% дагестанцев полагают, что вектор развития национальных отношений в России направлен в сторону возрождения дружбы народов.

Что касается вопроса о межэтнической брачности, которая в советский идеологеме была производной от “дружбы народов”, то русские студенты (дагестанцам этот вопрос не задавался) практически не вписывают ее в структуру отношений между народами, не связывают с дружбой народов, рассматривая такие браки лишь как выражение межиндивидуальных отношений. Студенты редко выбирали ответы, ассоциирующие распространение межнациональных браков с показателем добрых отношений между народами – 23%. 77% положительно относятся к межнациональным бракам, рассматривая их как следствие любви между конкретными людьми. По мнению 63% опрошенных, надо

приветствовать брак представителей любых национальностей, если между ними есть любовь. Межнациональный брак перестал восприниматься (или быть) инструментом сближения наций и ассимилирования народов – он продолжает существовать как явление частной жизни.

Сравнение данных по разным опросам

Положительное или отрицательное отношение к межнациональным бракам среди российской молодежи нередко распределяется почти поровну, но бывает велик и процент относящихся “никак”. Так, исследователи из Института социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации в 2011 г. выявили, что согласно утверждениям 47% респондентов, национальность имеет значение при создании семьи [Двадцать лет... 2011]. Эту же цифру приводит Л. Дробижева. По результатам опросов в Омске и Екатеринбурге известно, что 50% опрошенных девушек в Омске относятся к межэтническим бракам скорее положительно, 31% – нейтрально, 19% – негативно. Возможность подобных союзов для себя допустили 44%, для 50% подобный союз неприемлем, 6% затруднились с ответом. Среди омских юношей положительно относятся к межэтническим бракам 50%, негативно – 25%, выразили абсолютное безразличие к данному явлению еще 25%; допустили для себя возможность межэтнического брака 50%, еще 50% – нет. Среди девушек Екатеринбурга 36% отзывались о межэтнических браках скорее одобрительно, 6% – негативно, 55% – нейтрально. Но 93% так или иначе допускали для себя межэтнический брак. 19% екатеринбургских юношей положительно относятся к межнациональному браку, столько же отрицательно, подавляющее большинство (62%) – “никак”. Еще 5% указали, что могут позитивно или нейтрально охарактеризовать межэтнический брак в случае единства религии супругов [Коптяева 2015, с. 77–78].

Эти цифры показывают, что тема межэтнических браков малозначима для современной российской молодежи. В Курске студенты высказали мнение, что современное общество не одобряет межэтнические браки (48%), лишь около 30% респондентов придерживаются противоположного мнения, 10% затрудняются ответить. Что касается самих респондентов, то 34% студентов склонны относиться к межэтническим бракам скорее положительно, 24% – заняли позицию полного одобрения таких браков, 20% – не одобряют и 14% – относятся скорее отрицательно; 8% респондентов затруднились ответить. Вступить в такого рода брак готовы 64% опрошенных, 36% – нет [Токарева 2013]. При этом исследователи приходят к выводу, что вопрос, быть ли браку межэтническим или моноэтническим, в системе ценностей молодежи находится на периферии. Существенная часть студенческой молодежи ориентирована на мононациональный брак, межэтнический брак для большинства юношей и девушек приемлем, однако менее желателен.

Тут необходимо маленькое отступление о сравнимости данных опросов. Их, конечно, нельзя сравнивать с данными переписей населения или показателями статистики (о них будем говорить дальше), поскольку опросы отражают не фактическое состояние в межэтническом браке (как статистические данные), а только некоторое мнение, эмоционально окрашенное отношение к возможности такого брака при определенных обстоятельствах.

Опросы, в свою очередь, отличаются по численности и качеству выборки, по методикам (как ставятся и формулируются вопросы, в каких условиях респондент на них отвечает и т.п.). Данный опрос был проведен на сравнительно небольшой выборке среди студентов старших курсов и не был центрирован на теме межэтнических браков: он содержал в себе более 100 закрытых вопросов (то есть вопросов, имеющих ограниченное, пусть и значительное число уже готовых ответов – в нашем случае от 6 до 9, – из которых респондент и должен был выбирать), касался всей палитры межэтнических отношений, межэтнические браки в которой – только один из способов их выражения. Специфика

опроса состояла именно в его контекстуальной особенности: отвечая на вопросы по единой теме, респондент в нее погружался на два-три часа и вопросы о межэтнических браках увязывал с другими этническими проблемами. Интервью проводилось индивидуально или в небольшой группе, в присутствии интервьюера, у которого респондент мог получить пояснение. Таким образом, интервью, будучи закрытым и формализованным, тяготело в большей степени к глубинному исследованию, нежели к обычному опросу общественного мнения.

Интервью, проведенное ИС РАН в сотрудничестве с Фондом им. Ф. Эберта в Российской Федерации, имело обширную выборку (1750 респондентов, представляющих 11 социальных групп населения, во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге). В нем имелся специальный блок, посвященный межэтническим отношениям (см. [Дробизева 2012, с. 100]), но собственно вопросы межэтнической семьи там затрагивались вскользь. Далее будет упомянут также опрос ВЦИОМ о межэтнических браках, когда было опрошено 1600 респондентов в 140 населенных пунктах 42 областей России. Но в этом исследовании вопросы ставились раздельно по большому набору национальностей, так что сам феномен межэтнического брака как таковой как бы превращался в фантом [Россияне... 2010]. Эти цифры нелегко сопоставлять.

Небольшие опросы, проводимые отдельными региональными исследователями, при отсутствии специального финансирования по репрезентативности невозможно сравнивать с опросами ВЦИОМ или проведенными при участии Фонда им. Ф. Эберта. Тем не менее и они котируются, благодаря сфокусированности на теме межэтнических браков и целевой аудитории – молодых людях брачного возраста. Исследования в Екатеринбурге и Омске проводились в рамках не социологического, а антропологического проекта (см. [Молодежь... 2016]).

Определенный разнобой в разных исследованиях, в том числе и с нашим, я объясняю не недостаточной компетентностью исследователей, а в гораздо большей мере неустойчивостью самого феномена межэтнических браков, определенным его “провисанием” в структуре социокультурных сценариев, актуальных в современной России, что будет показано ниже. Порой несопоставимость результатов опросов о межэтнических браках характеризует реализацию в разных регионах специфических сценариев, в которые такие браки вписываются. И их анализ приводит к необходимости задать вопрос: межэтнические браки вполне допускаются сегодняшним складывающимся национальным сценарием, но являются ли они его элементом? Что они говорят о формирующемся национальном сценарии народов России?

Динамику межэтнической брачности в РФ корректно сравнивать не со средней по СССР, а брать за контрольную точку долю межэтнических браков только в РСФСР, и то условно (потому что в советское время единицей подсчета была собственно семья, а в современной России – домохозяйство). Так, в СССР в 1989 г. межэтническая брачность составляла 17,5%, но в РСФСР она была ниже — 14,7% (а в 1979 г. еще ниже — 12,3%) [Население СССР... 1990, с. 32]. По данным Госкомстата России, к 1994 г. доля межэтнических семей в семейной структуре общества сократилась до 11,5% [Состояние... 1995, с. 23]. К 2000-м гг. доля этнически смешанных браков в РФ росла и достигла приблизительно уровня 1989 г. По данным переписи 2002 г., уже 14,8% населения России проживают в этнически смешанных домохозяйствах [Итоги... 2004, с. 465]. В ежегодном демографическом докладе “Население России... 2003–2004” отмечается, что этнически смешанные домохозяйства составляют в целом по стране 14,5%: в городах – 15,0%, в селах – 13,3%. [Население России... 2006, с. 235]. По данным переписи 2010 г. в интерпретации Е. Сороко, этнически разнородных пар в России было только 12% [Сороко 2014, с. 114].

В регионах России наблюдается разнонаправленная динамика. В ряде регионов, в частности на Северном Кавказе, доля межэтнических браков снизилась. Если сравнивать

с 1989 г., то у ингушей тогда было 14% межэтнических браков, а в 2002-м стало 10,2%, у чеченцев было 10%, стало 6,9% [Население России... 2006, с. 237, 239]. Но вот в Адыгее этнически смешанных браков в 2002 г. было заключено 12%, тогда как в 1979 г. их было 11% [Делова 2001, с. 24]. Есть регионы, где в 1990-е гг. наблюдался рост межэтнических семей. По данным переписи 2002 г., доля домохозяйств в Башкортостане, состоящих из лиц разных национальностей, составляла 29,0%, и цифра эта продолжала расти [Динисламова, Садретдинова 2014, с. 63]. Рост межэтнической брачности наблюдался в Хакасии: по данным 2007 г. национально-смешанных семей оказалось на 7,9% больше, чем в 1989 г. [Кривоногов 2011, с. 206]. В Бурятии наблюдается колебательная динамика: совсем небольшое падение уровня межэтнической брачности в начале 1990-х, затем доля межэтнических браков растет вплоть до середины 2000-х гг., а потом вновь начинает медленно падать [Трифенова 2014, с. 75]. У коми и мордвы межэтническая брачность в 2002 г. достигает более чем 40% (а вне пределов своих республик – более чем 50%) [Сороко 2014, с. 103].

В Москве и Петербурге доли межэтнических браков не подсчитывались, но есть достоверные данные по межнациональным бракам – то есть бракам между гражданами разных стран, даже если они относятся к одному этносу. Их заключается значительно меньше, чем можно было бы ожидать. По данным архивов ЗАГС в Москве, начиная с 2002 г., больше всего межнациональных браков было заключено в 2007 г. – 14,3% от общего числа (большинство их составляют русско-украинские и русско-белорусские браки). В Петербурге максимум межнациональных браков пришелся тоже на этот год – 7,3 %. При этом в Петербурге количество межнациональных браков из года в год остается вдвое меньше, чем в Москве. В 2011 г. в Москве их было 10,9%, в Петербурге – 5,4% [Чеснокова 2012].

На основании такой динамики межэтнических браков в разных регионах можно предположить, что единого сценария межэтнических отношений в России не было, и в регионах разворачивались локальные социокультурные сценарии, которые могли быть связаны как с ростом межэтнической брачности, так и с ее снижением. Но есть ли при этом некоторые магистральные, трендовые характеристики?

Распад советской идентичности и новое отношение к межэтническим бракам

Тут вернемся к финалу существования СССР и посмотрим, какие факторы влияли на динамику межэтнической брачности в первые постсоветские годы России. Главный фактор негативного влияния связан с исчезновением общей советской идентичности и резким ослаблением надэтнической идентичности как таковой. Для многих в 1990-е гг. единственной устойчивой самоидентификацией стала ассоциация себя со своим этносом. А “в условиях идентификации с этнической группой отказ от межэтнического брака является фактором включенности личности в референтную группу” [Делова 2001, с. 15]. Подчеркну и то, что советская идентичность была секулярной и атеистической для разных народов СССР, основанной на отказе от народных традиций (иногда сохранялась только их внешняя оболочка) в пользу “советского образа жизни”, и потому общество стремилось к гомогенности. “Межконфессиональные браки так не назывались, потому что был период атеизма... а своим считался советский человек” [Кузнецова 2011]. В советский период с его атеистическим мировоззрением подчеркивалось, что национальное – только форма. Поэтому национальное самоопределение оказывалось порой делом формальным, что вело к психологической легкости заключения национально-смешанных браков.

Сейчас в отношении традиций и религии тенденция противоположная. На первое место выходит религия как препятствие для заключения браков с некоторыми из соотечественников или мигрантов. Как пишет Г. Солодова, проводившая исследование в среде мигрантов

в городах России, “опрос показал, что нередко для мигрантов определяющим был не национальный, этнический признак... а конфессиональный... Вероисповедание в этом случае становится важным фактором” [Солодова 2011, с. 47]. По наблюдениям О. Маховской, у русской девушки, если она, выходя замуж за представителей мусульманских народов, не принимает ислам, семьи не получается (см. [Кузнецова 2011]). По данным ВЦИОМ 2010 г., у россиян неодобрение вызывают браки людей с различной религиозной идентичностью: почти половина опрошенных (48%) относится к этому негативно [ВЦИОМ 2010]. По данным Д. Ореховой, 80% ее респондентов не принимают идею смены религии при заключении межнационального брака, лишь 10% отнеслись к этому безразлично, еще 10% объявили себя неверующими [Орехова 2012, с. 75].

Однако отрицательное влияние распада советской идентичности на межэтническую брачность не стоит переоценивать, да это влияние и не линейно. Если такой распад в масштабах бывшего СССР снижал стремление к заключению межэтнических браков, то он же косвенно способствовал усилению полиэтничности в РФ (бывшей РСФСР) и сохранению в ней достаточно высокой доли межэтнической брачности. Русские мигранты из республик бывшего СССР увлекли за собой и так называемых русскоязычных — русскоговорящих представителей различных советских национальностей, а также уже сложившихся этнически-смешанных семей. Среди этих мигрантов было немало готовых вступать в браки с русскими. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в России насчитывались 23 наиболее многочисленных национальностей с количеством более 400 тыс. человек [Итоги... 2004, с. 166], а по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. таких национальностей в РСФСР было лишь 17 [Население СССР... 1990, с. 37].

Само же обострение национальных противоречий в России сказывалось на микроуровне этнически смешанных семей менее, чем можно было ожидать. Исследователи показывают это на материалах ряда регионов. Так, Т. Титова утверждает, что национально смешанные семьи в Татарстане мало реагировали на обострившуюся там в 1990-е гг. этническую ситуацию. “На внутрисемейные отношения разнонациональных супругов существовавшая напряженность влияния не оказывала... Мнение (о политических событиях) разнонациональных супругов по многим вопросам в большинстве обследованных семей совпадают” [Титова 1999, с. 82]. Выводам по Татарстану вторят выводы по Бурятии. Там среди опрошенных членов межэтнических семей только 6,5% допустили, что состояние межэтнических отношений в обществе может быть специфической причиной развода у этнически смешанной пары [Трифоновна 2014, с. 86]. Однако очевидно, что идеологического стимулирования заключения этнически смешанных браков, акцента на их важности для государства в России не наблюдается. Наблюдается, напротив, тревожность.

Здесь кажется показательным значительное преувеличение доли этнически смешанных браков в российском обществе не только в СМИ, но и в научных исследованиях, создание “страшилок”. Например, в диссертации Э. Асановой встречаются совершенно невероятные цифры: “В 1998 г. в результате некоторой стабилизации положения в стране наблюдается фиксирование числа межэтнических браков на определенном уровне... В 2000 году в России примерно 23% населения составляли межэтнические семьи. В 2004 году их стало уже 37%” [Асанова 2009, с. 15]. Подобные цифры приводятся и в [Трифоновна 2014, с. 74]. Конечно, такой резкий рывок в доле межэтнических браков в принципе невозможен, изменения тут гораздо более плавные. Но цифра “37%” кочует от источника к источнику.

Подобное искажение цифр в научной литературе заслуживает особого внимания. Что до СМИ, то там даже встречается цифра и в 58% для межэтнических браков в России [Межэтнические браки: благо... 2003; Межэтнические браки вредны... б.г.и.; Меняется картина... б.г.и.], говорится и о 62% у москвичек [Количество межэтнических браков...

б.г.и.]. А потому и в научной литературе встречаем: “По прогнозам ученых, к 2025 году доля русских в Москве может уменьшиться до 73% (сейчас – 89%)” [Трифонов 2014, с. 74].

Исследователи говорят о том, что современное российское общество воспринимает этнически смешанную семью в негативном контексте, что можно увидеть «нездоровый интерес и даже конфликтную напряженность вокруг “странной” для общества семьи» [Осьмук 2014, с. 121]. Эта реакция говорит о неполной включенности межэтнической брачности – по крайней мере, между представителями ряда народов – в социокультурный сценарий современного российского общества. Будучи вне основного тренда, этнически смешанные семьи воспринимаются общественным мнением как явление пугающее. Связаны ли “страшилки” с осознанием угрозы самоидентификации? Да, поскольку привычна самоидентификация с этносом – понятием, получившим популярность еще во времена позднего СССР.

В советском дискурсе практически отсутствовало понятие “раса”: государство распределяло граждан по “народностям” или “национальностям”. В рамках советской парадигмы межэтнические браки, совершавшиеся между представителями советских народов и приводившие к их сближению, рассматривались как явление однозначно желательное – в отличие от США и Европы, где довольно долго господствовало культурное и политическое неприятие смешанных браков (в ряде штатов США такой запрет существовал до 1967 г.). Между тем в советской парадигме изучение межэтнических браков покоилось на убежденности в существовании отдельных чистых “этносов”. И именно оно легло позднее в основание деструктивных национальных сценариев 1990-х гг. «“Этнос”, термин, вошедший в советскую этнографию в 1960-е годы, стал все чаще рассматриваться как биологическая и генетическая единица» [Уалиева, Эдгар 2011, с. 35].

При этом теряется культурная составляющая национальности, связанная с самоприписыванием и культурной идентификацией человека. Надо задать и такой вопрос: какую семью вообще следует рассматривать как национально-смешанную? Можно согласиться с тем, что «очевидно, ту, в которой супруги имеют не просто разную национальную принадлежность по документам, а относят себя к разным национальным культурам. Много ли таких семей на самом деле? Подобные браки большей частью заключаются в условиях крупного города, который “подобно котлу” стирает все различия, “переваривает их”, создавая свою среду, формируя свой, городской, образ жизни... В условиях крупного города семейный быт этнически слабо окрашен, то есть фактор национальной специфики теряет свою значимость» [Сизоненко 2007]. Это касается прежде всего детей от смешанных браков. Но вопрос значительно шире. Он относится и к тем, кто вписывают себя в культуру народа, в котором не был рожден. Нередко дети от межэтнических браков затрудняются отнести себя к какой-либо национальности или фактически усваивают культуру народа, к которому не принадлежит ни один из родителей. Исследователи межэтнических браков часто отмечают, что “потомки из национально-смешанных семей не отождествляют себя ни с одним из родительских этносов, а идентифицируют с неким третьим (например, доминирующим в среде этнического обитания)” [Галкина 1993, с. 22]. Еще в советское время А. Сусоколов отмечал, что приписывание ребенку от смешанного брака национальности на основе национальности отца или матери опирается на “генетический” подход к этнической принадлежности как к качеству, обязательно передаваемому “по наследству”, тогда как национальная принадлежность определяется, скорее, воспитанием, а не происхождением [Сусоколов 1987, с. 13–131].

Почему же в России “лишенные идеологической поддержки, этнически смешанные семьи все же создаются” [Верецагина, Левая, Самыгин 2016, с. 35]? И, добавлю, в немалом числе. Причин, как минимум, две. Этнокультурная связана с особенностями процессов ассимиляции, о которых говорилось выше. Вопреки негативному в большей части отношению к понятию “ассимиляция” (как это видно из анализа опроса русских студентов),

фактически она происходит и сейчас и ведет к формированию общности “русский народ”, содержательные черты которого еще не вполне ясны. В ее основе может быть своеобразное преломление мифологемы “дружба народов” как сценария в отношениях между представителями разных этносов. Однако к понятию “русский народ” отношение скорее положительное. Но представляется, что суть определенных этнических процессов задают слова-маркеры, выражающие негативную идеологическую окрашенность всего, что связано с ассимиляцией к русскому. По факту после этноцентрических тенденций прошлых десятилетий общая культурная среда в ряде регионов России все-таки создается (что, впрочем, не всегда ведет к межэтническим бракам).

Этнопсихологическая причина находит свое выражение, в частности, и в формировании городской среды с ее общей культурой, в большей степени – культурой доминирующего народа. То есть в разряд межэтнических браков попадают браки между людьми ассимилированными, которые если и причисляют себя к разным этносам, то формально. Это следствие ассимиляционных процессов, происходивших еще в СССР. По сути, в больших городах России вписавшиеся в них представители различных этнических групп – это, по господствующим у них ценностям, те же русские люди, может быть, с нерусскими фамилиями. Шире: здесь мы сталкиваемся со сложившейся еще в СССР и распадающейся куда медленнее, чем идеология, комплементарностью поведенческих моделей россиян разных национальностей.

Это очевидно в случае народов европейской части России, прежде всего христианских. Но, отчасти, такая комплементарность сохраняется и с мусульманскими народами, даже иногда не вопреки, а по причине их традиционных представлений о семье, которые порой оказываются более комфортны для русской девушки, чем подвергшаяся уже влиянию глобализации с ее негативными тенденциями модель семьи русской [Кузнецова 2011]. Это, по сути, поведенческая комплементарность двух традиционных культур, длительное время сосуществовавших в одном государстве и имеющих ряд пересекающихся моделей поведения, частью и благоприобретенных. Несмотря на крайности и некоторый анахронизм, имеется целый спектр установок и моделей, исторически сложившихся как общих с русскими у многих народов СССР, в том числе и в процессе формирования так называемого “советского образа жизни”.

С возрождением национальных традиций собственно русификация была, казалось бы, обращена вспять, но на уровне неосознаваемых моделей взаимоотношений и коммуникации она сохранилась. Это означает, что на межэтническую брачность будут влиять не “скрепы” между народами, связанные с ценностями и идеалами, а только комплементарность народов на поведенческом уровне, приятие бытовых сценариев поведения друг друга.

Тенденции к ассимиляции или ее избеганию я отношу к этнопсихологическим факторам, когда они отражают поведенческие модели людей, а не лозунги. Поэтому по материалам интервью трудно судить о реальных перспективах ассимиляционных тенденций – к русскому ли, к наднациональному как интегральному представлению о “русском народе”. Но, по моему мнению, определенным образом ответы респондентов свидетельствуют о безотчетном избегании ассимилирования живущих с русскими в одном государстве народов.

Тот национальный проект, который, можно предположить, стихийно складывается на уровне поведенческих моделей среди русской молодежи (и во многом комплементарно с русскими у молодежи другого обследованного народа – дагестанцев), исключает передачу друг другу многих этических норм и принципов. То есть он избегает формирования единообразного общества (к чему стремились в СССР, а до того в меру возможностей в Российской империи), исключает единство идеологическое, культурное, религиозное, хотя и предполагает определенное ценностное единство, которое, собственно, и должно

составить основу “российского народа”. Эта форма единения открывает дорогу все большему расхождению на бытовом и личностном уровне – возведению в норму разных принципов поведения представителей народов России. Да и молодые русские просто не хотят никого ассимилировать.

Важно, что формирование российского народа как общности в глазах современных молодых людей, то есть на ценностной основе без сближения принципов частной жизни и при решительном отказе от нивелировки традиций, может создать важную основу для единства России. Но доля межэтнических браков в ней со временем будет падать вследствие отказа от поведенческой ассимиляции народов России к русскому ли народу, к наднациональному ли единству. Дело тут не в сознательных доминантах, которые могут отличаться у различных политических сил и этнокультурных факторах, а в факторах этнопсихологических – бессознательных установках поведения, не нацеленных на сближение моделей поведения. Вполне вероятно, что при благоприятном развитии событий российское общество вернется к некоей вариации модели “дружбы народов” с его сложным, но стрессоустойчивым диалоговым сценарием как к опыту, накопленному в прошедшие десятилетия и положительно окрашенному в сознании молодежи. Но это вряд ли приведет к росту межнациональной брачности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асанова Э.С. (2009) Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей республики Адыгея (социологический аспект). Автореф. дисс. ... канд. соц. н. Майкоп: Адыгейский государственный университет.

Верещагина А.В., Левая Н.А., Самыгин С.И. (2016) Смешанная семья в условиях глобализующейся реальности: специфика образования и адаптации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 12. С. 33–36.

ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 27. Россияне о межэтнических браках (2010) (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2010/08/d19632/>).

Галкина Е.М. (1993) Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве). Автореф. дисс. ... к. и. н. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) (2011) Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М.: ИС РАН (http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html).

Делова Л. А. (2001) Социокультурные факторы межэтнической брачности (на примере Республики Адыгея). Социологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. соц. н. Майкоп: Адыгейский государственный университет.

Динисламова С.Р., Садретдинова Э.В. (2014) Межэтнический брак и национально-смешанная семья в Башкортостане: состояние, динамика и факторы развития // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сборник статей по материалам XX международной студенческой научно-практической конференции. № 5(20). С. 62–67.

Дробужева Л.М. (2012) Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. Т. 21. № 4. С. 91–101.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. (2004) Т. 4. М.: Статистика России.

Количество межэтнических браков бесконтрольно растет (<http://www.anaga.ru/braki-s-nastenami.html>).

Коптяева Е.А. (2015) Молодежь и межэтнические браки: на примере населения городов Омска и Екатеринбурга // Антропология города глазами молодых ученых. Москва, 22–24 декабря 2014 г. М.: ИЭА РАН. С. 74–81.

Кривоногов В.П. (2011) Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакаское книжное издательство.

Кузнецова О. (2011) Выйти замуж за гастарбайтера (<http://sobesednik.ru/incident/vyiti-zamuzh-zha-gastarbaitera>).

Лурье С.В. (2018) Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 108–121. DOI: 10.7868/S0869049918030085.

Межэтнические браки: благо или опасная тенденция (2003) (<http://www.pravda.ru/sport/cupper/09-10-2003/38830-brak-0/>).

Межэтнические браки вредны и опасны (<http://maxpark.com/user/2999269470/content/1959578>).

Меняется картина межэтнического брака в России (<http://www.gumilev-center.ru/menyaetsya-kartina-mezhehtnicheskogo-braka-v-rossii/>).

Молодежь в малых городах России. Заметки социального антрополога (2016) Отв. ред. и сост. М.Ю. Мартынова, Н.А. Белова. М.: ИЭА РАН.

Население России 2003–2004. Одиннадцатый–двенадцатый ежегодный демографический доклад (2006) М.: ИНХП РАН.

Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (1990) М.: Финансы и статистика.

Орехова Д.О. (2012) Отношения к феномену межэтнических браков в современном российском обществе // *Сборник конференции НИЦ Социосфера*. Вып. 37. Пенза–Витебск–Саранск: Научно-издательский центр “Социосфера”. С. 73–81.

Осьмук Л.А. (2013) Глобализация как фактор роста конфликтов в межэтнических семьях // *Семья в XXI веке*. Сборник материалов международного экспертного симпозиума (28 ноября – 2 декабря 2013 г.). Новгород: НГТУ. С. 120–127.

Россияне о межнациональных браках (2010) // ВЦИОМ. (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2010/08/d19632/>).

Сизоненко З.Л. (1999) Социальный потенциал межэтнической семьи (<http://www.studfiles.ru/preview/4367834/page:18/>).

Солодова Г.С. (2011) Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество // *Социологические исследования*. № 4. С. 44–49.

Сороко Е.Л. (2014) Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // *Демографическое обозрение*. М.: НИУ “Высшая школа экономики”. Т. 1. № 4. С. 96–123.

Состояние в браке и рождаемость в России по данным микропереписи населения 1994 г. (1995) М.: Госкомиздат России.

Сусоколов А.А. (1987) Межэтнические браки в СССР. М.: Мысль.

Титова Т.А. (1999) Этническое самосознание в национально смешанных семьях. Казань: Форт-Диалог.

Токарева Е.С. (2013) Межэтнический брак в системе ценностных ориентаций студенческой молодежи // *Гуманитарные научные исследования*. № 5 (<http://human.snauka.ru/2013/05/3173>).

Трифопова А.Т. (2014) Современные межэтнические семьи: ценностные ориентации. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет.

Уалиева С., Эдгар Э. (2011) Межэтнические браки, смешанное происхождение и “дружба народов” в советском и постсоветском Казахстане // *Неприкосновенный запас*. № 6. С. 34–45.

Чеснокова Т. (2012) Плавильные котлы Москвы и Петербурга (<http://www.rosbalt.ru/nation/2012/05/08/977765.html>).

Шахбанова М.М. (2008) Отношение к межэтническим бракам в этническом сознании дагестанцев // *Социологические исследования*. № 11. С. 72–76.

REFERENCES

Asanova E.S. (2009) *Mezhetnicheskoye vzaimodeystviye v usloviyakh natsional'no-smeshannykh semey respubliki Adygeya (sotsiologicheskii aspekt)*. Avtoreferat... *kand.sots.n.* [Inter-ethnic interaction in the conditions of nationally mixed families of the Republic of Adygea (sociological aspect). Abstract of the Ph. D. (Sociology) thesis]. Maykop: Adygeyskiy gosudarstvennyy universitet.

Chesnokova T. (2012) *Plavil'nye kotly Moskvy i Peterburga* [The Moscow's and St. Petersburg's melting pots] (<http://www.rosbalt.ru/nation/2012/05/08/977765.html>).

Delova L. A. (2001) *Sotsiokul'turnye faktory mezhetnicheskoy brachnosti (na primere Respubliki Adygeya)*. *Sotsiologicheskii analiz*. Avtoreferat diss... *kand.sots. n.* [Sociocultural factors of inter-ethnic marriage (on the example of the Republic of Adygea). Sociological analysis. Abstract of Ph. D. (Sociology) thesis]. Maykop: Adygeyskiy gosudarstvennyy universitet.

Dinislamova S.R., Sadretdinova E.V. (2014) Mezhetnicheskiy brak i natsional'no-smeshannaya sem'ya v Bashkortostane: sostoyaniye, dinamika i faktory razvitiya [Inter-ethnic marriage and the national-mixed family in Bashkortostan: state, dynamics and factors of development]. *Nauchnoye soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Obshchestvennye nauki: sbornik statey po materialam XX mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, no. 5(20), pp. 62–67.

Drobizheva L.M. (2012) Resurs mezhnatsional'nogo soglasiya i balans neterpimosti v sovremennom rossiyskom obshchestve [Resource of International Consent, the Intolerance Balance in Contemporary Russian Society]. *Mir Rossii*, vol. 21, no. 4, pp. 91–101.

Dvadczat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnix sociologicheskix zamerov). (2011) Analiticheskiy doklad. Podgotovlen v sotrudnichestve s Predstavitel'stvom Fonda imeni Fridrixa E'berta v Rossiyskoy Federacii [Twenty Years of Reform by the Eyes of Russians (the Experience of Long-term Sociological Measurements). Analytical Report. Prepared in Collaboration with the Friedrich Ebert Foundation Office in the Russian Federation]. Moscow: IS RAS. (http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html).

Galkina E.M. (1993) *Etnicheskaya identichnost' podrostkov iz natsional'no-smeshannykh semey (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya v g. Moskve)*. *Avtoreferat diss... k.i.n.* [Ethnic identity of adolescents from ethnically mixed families (according ethnic sociological research in Moscow). Abstract of Ph. D. (History) thesis]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.

Izlogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g. v 14 tomah. Vol. 4. [The results of the 2002 All-Russian Population Census: in 14 vols. Vol. 4] (2004) Moscow: Statistika Rossii. Kolichestvo mezhetnicheskikh brakov beskontrol'no raket [The amount of inter-ethnic marriages is growing uncontrollably] (<http://www.anaga.ru/braki-s-nacmenami.html>).

Koptayeva E.A. (2015) Molodezh' i mezhetnicheskiye braki: na primere naseleniya gorodov Omska i Yekaterinburga [Youth and inter-ethnic marriages: the example of the population of the cities of Omsk and Yekaterinburg]. *Antropologiya goroda glazami molodykh uchenykh*. Moscow, 22–24 dekabrya 2014 g. [Anthropology of the city through the eyes of young scientists. Moscow, December 22–24, 2014]. Moscow: RAS Institute for Ethnography and Anthropology, pp. 74–81.

Krivosnogov V.P. (2003) *Hakasy v nachale XXI veka: sovremennyye etnicheskyye protsessy* [Khakasians at the beginning of the XXI century: modern ethnic processes]. Abakan: Khakasskoe knizhnoye izdatel'stvo.

Kuznetsova O. (2011) *Vyiti zamuzh za gastyabrytera* [To marry a migrant worker] (<http://sobesednik.ru/incident/vyiti-zamuzh-za-gastyabrytera>).

Lourie S.V. (2018) Mezhnatsional'nye braki kak chast' sovetskogo gosudarstvennogo scenariya: sociokul'turnyy podhod [Inter-ethnic marriages as the Soviet state script part: a sociocultural approach]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 108–121. DOI: 10.7868/S0869049918030085

Menyaetsya kartina mezhetnicheskogo braka v Rossii [The picture of inter-ethnic marriage in Russia is changing] (<http://www.gumilev-center.ru/menyaetsya-kartina-mezhetnicheskogo-braka-v-rossii/>).

Mezhetnicheskiye braki: blago ili opasnaya tendentsiya (2003) [Inter-ethnic marriages is a boon or a dangerous tendency] (<http://www.pravda.ru/sport/cupper/09-10-2003/38830-brak-0/>).

Mezhetnicheskiye braki vredny i opasny [Inter-ethnic marriages are harmful and dangerous] (<http://maxpark.com/user/2999269470/content/1959578>).

Molodezh' v malyykh gorodakh Rossii. Zametki social'nogo antropologa (2016) [Youth in small cities of Russia. Notes of the social anthropologist]. Ed. by M.Yu. Martynova, N.A. Belova. M.: IEA RAN,

Naselenie Rossii 2003–2004. Odinnadcaty-dvenadcaty ezhegodnyy demograficheskyy doklad (2006) [Population of Russia 2003–2004. The 11th-12th annual demographic report]. Moscow: RAS Institute of Economic Planning.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g. (1990) [The USSR population according to the all-Union census of 1989]. Moscow: Finansy i statistika.

Orehkova D.O. (2012) Otnosheniya k fenomenu mezhetnicheskikh brakov v sovremennom rossiyskom obshchestve [Perception to the inter-ethnic marriages in modern Russian society]. *Sbornik konferentsii NIC Sociosfera. vyp. № 37* [The Scientific-Research Center “Sociosfera” Conference Proceedings. Iss. 37]. Penza; Vitebsk; Saransk: Scientific-Publishing Center “Sociosfera”, pp. 73–81.

Os'muk L.A. (2013) Globalizatsiya kak faktor rosta konfliktov v mezhetnicheskikh sem'yah [Globalization as a factor of the conflicts growth in interethnic families], *Sem'ya v XXI veke. Sbornik materialov mezhdunarodnogo ehkspertnogo simpoziuma (28 noyabrya – 2 dekabrya 2013 g.)* [Family in the XXI century. Collection of materials of the international expert symposium (November 28–December 2, 2013)]. Novgorod: Novgorod State Technical Univ., pp. 120–127.

Rossiyanе o mezhnacional'ny'x brakax (2010) [Russians about inter-ethnic marriages]. VCIOM. (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2010/08/d19632/>).

Shahbanova M.M. (2008) Otnoshenie k mezhehtnicheskim brakam v ehtnicheskom soznanii dagestancev [Attitude towards inter-ethnic marriages in the consciousness of Dagestanians]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 72–76.

Sizonenko Z.L. (1999) Social'niy potencial mezhehtnicheskoj sem'i [Social potential of an interethnic family] (<http://www.studfiles.ru/preview/4367834/page:18/>).

Solodova G.S. (2011) Integraciya migrantov-musul'man v Rossiyskoe obshchestvo [Integration of Muslim migrants into the Russian society]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 44–49.

Soroko E.L. (2014) Ehtnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossiyskoy federacii [Ethnically mixed married couples in the Russian Federation]. *Demograficheskoe obozrenie*. Moscow: National Research Center “Higher School of Economics”, vol. 1, no. 4, pp. 96–123.

Sostoyanie v brake i rozhdaiemost' v Rossii po dannym mikroperepisi naseleniya 1994 g. [Marital status and birth rate in Russia according to the 1994 micro-census data]. (1995) Moscow: Goskomizdat Rossii.

Susokolov A.A. (1987) *Mezhehtnicheskie braki v SSSR* [Inter-ethnic marriages in the USSR]. Moscow: Mysl'.

Titova T.A. (1999) *Etnicheskoe samosoznanie v nacional'no smeshannyh sem'yah* [Ethnic self-consciousness in ethnically-mixed families]. Kazan': Fort-Dialog.

Tokareva E.S. (2013) Mezhehtnicheskij brak v sisteme cennostnyh orientaciy studencheskoy molodezhi. [Inter-ethnic marriage in the system of value orientations of students]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 5 (<http://human.snauka.ru/2013/05/3173>).

Trifonova A.T. (2014) *Sovremennye mezhehtnicheskie sem'i: cennostnye orientacii* [Modern interethnic families: value orientations]. Ulan-Udeh: Buryat State Univ.

Ualieva S., Edgar E. (2011) Mezhehtnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i “druzhba narodov” v sovetskom i postsovetskom Kazahstane [Inter-ethnic marriages, mixed origins and “peoples’ friendship” in Soviet and post-Soviet Kazakhstan]. *Neprikosnovenniy zapas*, no. 6, pp. 34–45.

VCIOM. Press-vypusk № 27. Rossiyanе o mezhehtnicheskikh brakakh (2010) [The All-Russia Public Opinion Research Center (VCIOM). Press release № 27. Russians about inter-ethnic marriages] (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2010/08/d19632/>).

Vereshchagina A.V., Levaya N.A., Samygin S.I. (2016) Smeshannaya sem'ya v usloviyakh globalizuyushcheysoya real'nosti: spetsifika obrazovaniya i adaptatsii [Mixed Family in the Context of a Globalizing Reality: Specificity of Education and Adaptation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennye nauki*, no. 12, pp. 33–36.